

Франсис Руберс

Надежда
матери

3-е издание

Mapma

Трава первая

Стеффисбург, Швейцария, 1901 год

Обычно Марта любила воскресенье, потому что только в этот день папа закрывал мастерскую и мама могла немного отдохнуть. Вся семья надевала лучшую одежду и отправлялась пешком в церковь: папа и мама впереди, сразу за ними шел старший брат Марты, Герман, а Марта и ее младшая сестра, Элис, замыкали шествие. Обычно по дороге к ним присоединялись другие семьи. Марта старательно высматривала свою лучшую подругу Розы Гилган, которая бегом спускалась с холма, чтобы вместе с ней пройти остаток пути до старой церкви в романском стиле с наглухо заделанными арками и белой башней с часами.

Но сегодня Марта шла, понуриив голову, ей очень хотелось убежать и спрятаться среди сосен и ольхи, пока горожане собирались на службу. Она присела бы на поваленное дерево и спросила у Господа, за что отец презирает ее и почему постоянно старается заставить ее страдать. Сегодня она не стала бы жаловаться, если бы папа велел ей остаться дома и работать в мастерской в одиночку, а потом всю неделю не показываться на улице, хотя синяки все равно вряд ли так быстро сойдут.

Несмотря на следы побоев на ее лице, папа настоял, чтобы все отправились в церковь. Марта надела вязаную шапочку и низко опустила голову, надеясь, что никто не обратит на нее внимания. Уже не в первый раз на ее теле оставались следы отцовского гнева. Если люди подходили ближе, Марта укутывалась в шерстяной шарф и отворачивалась.

Когда они зашли в церковный двор, папа отправил маму с Элис и Германом вперед, а Марту схватил за локоть и прошипел на ухо:

— Ты сядешь сзади.

— Люди захотят узнать, почему я там сижу.

— А я скажу им правду. Ты была наказана за непослушание. — Его пальцы сжали локоть, причиняя боль, но Марта не издала ни звука. — Не поднимай головы. Никто не хочет смотреть на твое уродливое лицо. — Он выпустил ее руку и прошел в храм.

Глотая слезы, Марта вошла одна и села в последнем ряду стульев с прямыми спинками.

Она видела, как отец сел рядом с мамой, затем оглянулся, и девочка поспешила опустить голову, она решила снова посмотреть, только когда он наконец устроился поудобнее. Ее сестра Элис, слишком бледная и напряженная для ребенка ее возраста, посмотрела через плечо. Мама придвинулась к ней и что-то зашептала, Элис стала смотреть вперед. Герман сидел между мамой и папой и вертел головой по сторонам. Конечно же, он высматривает своих друзей, а как только служба закончится, моментально исчезнет.

Вошла Роза и присела в одном из передних рядов. У Гилганов было восемь детей, они занимали целый ряд. Роза посмотрела в сторону мамы и папы Марты, затем назад. Марта спряталась за герра Беккера, сидевшего перед ней. Немного подождала и снова выдвинулась из-за спины булочника.

Шепот прекратился, когда священник встал за кафедрой. Он начал службу с молитвы. Вместе со всей паствой Марта повторяла слова молитвы о прощении и слушала заверения священника о милосердии и всепрощении Господа. Когда был прочитан Символ веры и отрывок из Священного Писания, Марта позволила себе отвлечься, и мысли закружились, словно снег над альпийскими лугами возле Стеффисбурга. Она представила себе, что раскидывает руки, словно крылья, а белые снежинки поднимают ее и несут по воле Божьей.

«И куда же я полечу?» — спросила она себя.

Голос священника стал громче, он читал проповедь. Он всегда говорил одно и то же, только разными словами, и каждый раз приводил другие примеры из Библии. «Трудитесь. Вера мертва без добрых дел. Не будьте созерцателями. Те, кто отворачивается от Господа, обречены на вечные муки».

Неужели Господь, как папа, никогда не бывает доволен, сколько ни стараешься? Папа верил в Господа, но разве он когда-нибудь проявлял к ней милосердие? А если он верил, что всех создал Господь, почему он недоволен, что она такая высокая, такая худая, что кожа у нее бледная, а руки и ноги большие? На этот раз отец ругал ее за то, что она сдала экзамены в школе, отчего, как он сказал, «Герман выглядел дураком!»

Она попыталась защищаться: «Герман не желает трудиться. Ему больше нравится лазать по горам, чем учиться». Но лучше бы она этого не делала.

Папа набросился на нее. Мама пыталась встать между ними, но он грубо отпихнул ее.

— Ты воображаешь, что можешь так со мной разговаривать и что это сойдет тебе с рук? — кричал он. Марта вскинула руку, защищаясь, но это ее не спасло.

— Йохан, не надо! — вскричала мама.

Не выпуская руку Марты, он повернулся к маме:

— Только не говори...

— И сколько раз нам следует подставлять другую щеку, папа? — Всякий раз, когда отец угрожал матери, Марту охватывал жар.

И в этот момент он ее ударил. Потом тотчас выпустил руку девочки и наклонился над ней.

— Она сама меня вынудила. Ты же слышала! Отец не должен терпеть дерзость в собственном доме!

Марта не знала, что потеряла сознание, пока мама не погладила ее по голове:

— Лежи, Марта. Элис сейчас принесет мокрое полотенце. — Марта слышала плач Элис. — Папа пошел к кожевнику. Он скоро придет. — Мама взяла в руки полотенце, которое принесла Элис. Марта старалась не дышать, когда мама промокала разбитую губу. — Не нужно было злить отца.

— Значит, я виновата.

— Я этого не говорила.

— Я сдала экзамены с самыми высокими баллами в школе, а меня за это побили. Где Герман? Бродит где-то в горах?

Мама погладила ее по щеке:

— Ты должна простить отца. Он не сдержался. Он сам не понимал, что делал.

Мама всегда находила ему оправдания, как папа находил оправдания для Германа. Но никто не искал оправданий для нее.

— Прости его, — сказала мама, — до седмиды семидесяти раз. Прости!

Когда священник говорил о Боге Отце, Марта кривила рот. Лучше бы Господь был как мама.

Служба наконец закончилась, Марта подождала, пока отец даст ей знак подойти к семье. Она шагала рядом с Элис, низко опустив голову.

— Йохан Шнайдер!

Папа повернулся на голос герра Гилгана. Мужчины пожали друг другу руки и начали разговор. Герман воспользовался возможностью и отошел к друзьям, и они все вместе направились вверх по холму. Мама взяла Элис за руку, когда к ним присоединилась фрау Гилган.

— Где ты была всю неделю? — спросила Рози Марту, когда та вернулась к ней. Увидев ее лицо, Рози вскрикнула: — Ой, Марта!.. — Она сочувственно покачала головой. — Снова? И что за причина на этот раз?

— Школа.

— Но ты ведь сдала экзамен!

— Зато Герман не сдал.

— Но это же нечестно.

Марта пожала плечами и вяло улыбнулась:

— Бесплезно говорить ему об этом.

Рози никогда не сможет ее понять, ведь ее отец просто обожал дочь. Герр Гилган обожал всех своих детей. Они все вместе работали в отеле «Эдельвейс», помогая друг другу. Они добродушно подшучивали друг над другом, но никогда ни над кем не насмеялись и никого не унижали. Если у кого-то из них возникали сложности, остальные смыкали ряды вокруг него и помогали.

Иногда Марта завидовала подруге. Каждый член семьи обязательно оканчивал школу. Мальчики отправятся на два года в швейцарскую армию, а потом поедут в Берн или Цюрих в университет. Рози и ее сестры учатся хорошо готовить и справляться с большим хозяйством, где приходится обслуживать до тридцати гостей. Ее научат французскому, английскому и итальянскому. Но если у Рози появятся другие желания, ее отец не станет ей мешать только потому, что она девочка. Он отправит ее в университет вместе с братьями.

А ей отец, когда вернулся от кожевника, объявил:

— Ты уже достаточно поучилась в школе. И ты достаточно взрослая, чтобы взять на себя часть финансового бремени семьи.

Марта умоляла его оставить ее в школе еще на год, но безрезультатно.

На глаза девочки набежали слезы.

— Папа сказал, что я умею писать, читать и знаю арифметику, и этого достаточно.

— Но тебе ведь только двенадцать, и если кто-то должен пойти в университет из нашего класса, так это ты.

— У меня не будет университета. Папа сказал, что со школой покончено.

— Но почему?

— Папа считает, что в школе девочка набирается всякой чепухи.

Под словом «чепуха» он подразумевал честолобие. А у Марты оно было. Она рассчитывала, что, получив образование, обретет больший выбор и решит, чем заняться в своей жизни. На что отец заявил, будто она зазналась и пора поставить ее на место.

Рози взяла Марту за руку:

— Возможно, он еще передумает и позволит тебе вернуться в школу. Я уверена, что герр Шольц захочет поговорить с ним об этом.

Герр Шольц, конечно, может попытаться, но отец не станет его слушать. Если он принял решение, его не остановит даже лавина.

— Это не поможет, Рози.

— И что же ты будешь делать?

— Папа хочет отдать меня в услужение.

— Марта! — Марта подскочила от окрика отца. Он грозно посмотрел на нее и жестом велел подойти. Рози не выпустила руку подруги, а подошла вместе с ней.

Фрау Гилган пристально посмотрела на Марту:

— Что случилось с твоим лицом? — Она бросила сердитый взгляд на отца.

Отец в ответ уставился на нее:

— Она упала с лестницы. — И предостерегающе посмотрел на Марту. — Она такая неуклюжая. Только посмотрите на ее большие руки и ноги.

Глаза фрау Гилган вспыхнули.

— Она дорастет до них. — Муж взял ее под руку.

Мама протянула руку Марте:

— Идем. Элис замерзла. Нам пора домой. — Элис прижималась к матери, ни на кого не глядя.

Рози крепко обняла Марту и шепнула ей:

— Я попрошу отца нанять тебя!

Марта не смела надеяться, что отец согласится, — он ведь знал, как ей хочется работать у Гилганов.

Днем папа ушел и не возвращался до самого вечера, а когда вернулся, от него пахло пивом и он выглядел вполне довольным собой.

— Марта! — Он стукнул ладонью по столу. — Я нашел тебе работу.

Теперь каждое утро ей придется работать у Беккеров в хлебопекарне.

— Ты должна быть на месте в четыре утра.

А еще три дня в неделю днем она должна будет работать у Зиммеров. Доктор решил, что его жене нужно иногда отдыхать от их беспокойного новорожденного.

И это было не все. Отец добавил:

— А фрау Фахс говорит, что могла бы взять тебя для ухода за ульями, скоро она будет собирать мед. Будешь работать у нее по вечерам, когда ей будет нужно. — Он откинулся на спинку стула. — А еще будешь работать в отеле «Эдельвейс» два дня в неделю. — Он пристально всматривался в ее лицо. — И не надейся, что будешь распивать чай с печеньем у своей подружки. Ты будешь там работать. Понятно?

— Да, папа. — Марта сцепила руки, стараясь не выказать радость.

— И не смей ничего просить. Ни у кого из них. Герр Беккер будет расплачиваться хлебом, фрау Фахс медом, когда придет время. А все остальные расплатятся со мной, а не с тобой.

Марту окатило жаром, сначала ноги и руки, потом жар поднялся к шее, перешел на щеки и жег ее, как лава под покрытой пеплом землей.

— Я ничего не буду получать, папа? Вовсе ничего?

— Ты имеешь крышу над головой и еду на тарелке. Ты одета. И пока ты живешь в моем доме, все, что ты заработаешь, принадлежит мне. — Он отвернулся — Анна! — закричал он на маму. — Ты закончила платье для фрау Келлер?

— Сейчас занимаюсь им, Йохан.

Папа нахмурился и снова закричал:

— Она желает получить его к концу недели! Если ты его не дошьешь, она отдаст заказ другой портнихе! — Папа вскинул голову и повернулся к Марте: — Иди, помоги матери.

Марта присела рядом с мамой у камина. Возле мамы на столе стояла коробка с цветными нитками, черная шерстяная ткань, частично уже вышитая, была разложена на коленях. Мама сильно закашлялась, прижимая платок к губам, потом сложила его и сунула в карман передника, прежде чем снова приняться за шитье. По бледности ее лица, по темным кругам под глазами не трудно было догадаться, что мама снова нездорова.

— Помоги сестре, Марта. У нее снова разболелась голова.

Элис весь вечер трудилась над своим кусочком вышивки, каждый стежок давался ей с трудом, от старания она морщила лобик. Марта помогала ей, пока не вернулся отец. Единственное, что Элис могла делать хорошо, это подгибать подол, вся остальная тонкая работа ложилась на маму и Марту. В школе Элис училась с трудом, как и Герман, только по другим причинам. В свои десять лет она едва могла читать и писать. Однако недостаток ума и сноровки с лихвой компенсировался ее редкой, утонченной красотой. Мама с удовольствием расчесывала и заплетала ее длинные до пояса почти белые волосы. У девочки была безупречная алебастровая кожа и огромные невинные синие глаза. Отец ничего не требовал от нее, он гордился ее красотой, а иногда вел себя с ней так, словно обладал бесценным произведением искусства.

Марта беспокоилась за сестру. Возможно, отец прав относительно поклонников, но он не понимал затаенных страхов Элис. Она почти полностью зависела от матери, впадала в истерику, когда отец начинал злиться, хотя никогда в жизни он не тронул ее и пальцем. Ему придется когда-нибудь присмотреть для Элис порядочного мужчину, с деньгами и положением.

Марта каждую ночь молилась, чтобы Господь благословил сестру и подарил ей хорошего мужа, который бы заботился о ней и защищал, чтобы имел достаточно денег и мог нанять работников, которые будут готовить еду, убирать дом и растить детей. Элис никогда не сможет выполнять эти обязанности.

Марта переставила табуретку и села рядом с матерью:

— Фрау Келлер всегда желает, чтобы ее заказы выполнялись еще вчера.

— Она хорошая клиентка. — Мама аккуратно разложила часть юбки на коленях Марты, чтобы они могли работать одновременно.

— Я бы так не сказала, мама. Эта женщина — тиран.

— Ничего нет плохого в том, чтобы знать, чего хочешь.

— Если собираешься за это платить, — сердито бросила Марта.

Да, папа попросит оплаты за дополнительную работу, но фрау Келлер откажется платить. Если папа начнет давить, фрау Келлер обидится «на такое отношение» и припугнет, что отдаст заказы «кому-нибудь, кто оценит ее щедрость». Она напомнит отцу, что заказывает шесть платьев в год и что он должен быть благодарен ей за это в такие трудные времена. Папа начнет униженно извиняться, затем добавит, сколько сможет, к ее долгу за костюмы, сшитые им для герра Келлера. Иногда папе приходилось ждать полгода, чтобы получить хотя бы частичную оплату. Неудивительно, что Келлеры богаты. Они цепляются за деньги, как лишайник за камень.

— На месте папы я брала бы часть оплаты вперед, а полный расчет — до того, как клиент получит готовое изделие.

Мама тихонько рассмеялась:

— Как много огня в двенадцатилетней девочке.

Марта очень сомневалась, что мать закончит юбку в срок. Девочка вставила в иголку розовую нить и приступила к вышиванию розочек.

— Папа нашел мне работу, мама, — тихо сказала она.

Мать вздохнула:

— Я знаю, милая. — Она выхватила свой платочек из кармана и прижала к губам. Когда приступ кашля прошел, она положила платок в карман и долго не могла отдышаться.

— Ты кашляешь все больше.

— Я знаю. Это оттого, что я когда-то работала на сигарной фабрике. Летом будет легче. — Летом мама могла сидеть на улице и работать на свежем воздухе, а не в задымленном помещении.

— Кашель никогда не проходит, мама. Тебе следует обратиться к доктору. — Может быть, работая у врача, Марта сможет расспросить его, как помочь матери.

— Давай не думать об этом сейчас. Фрау Келлер ждет свое платье!

Марта быстро приспособилась к своему рабочему графику. Она вставала затемно, одевалась и шла к дому булочника. Когда фрау Беккер впускала ее в дом, там уже пахло хлебом, стоящим в печи. Марта шла на кухню и рубила орехи для орехового торта, пока фрау Беккер вымешивала тесто для шоколадного кекса.

— Сегодня выпекаем магенброт, — объявил герр Беккер, растянул тесто в длинную колбаску и принялся разрезать ее на маленькие кусочки. — Марта, обмакни их в масло и обваляй в корице и изюме, а потом разложи по формочкам для «ангельского бисквита».

Марта работала споро, ведь за ней наблюдали оба Беккера. Фрау Беккер разлила темное тесто по формам и передала деревянную ложку Марте:

— Давай. Оближи ее.

Герр Беккер рассмеялся:

— Ага, посмотри, Фанни, как девочка улыбается! — Он в это время отбивал тесто. — Ты быстро учишься, Марта, — он подмигнул жене. — Нужно научить ее печь богоявленские пироги* в это Рождество. Согласна?

— И пряники лебкухен. — Фрау Беккер подмигнула Марте. Мама любила это пряное лакомство. — А еще марципаны. — Фрау Беккер взяла ложку и бросила ее в раковину. — Сегодня я научу тебя делать сливочное печенье. — Она поставила на кухонный стол масло, муку и сахар. — А завтра — печь анисовое печенье.

Когда пекарня открылась для покупателей, фрау Беккер дала Марте два батона к завтраку в оплату и добавила:

— Ты хорошо работаешь.

Марта отнесла хлеб маме и съела тарелку мюсли. Потом занялась домашними делами, а после раннего обеда отправилась мимо школьных зданий к дому доктора.

Дверь открыла фрау Зиммер, она явно была раздражена.

— Вот! Забери его! — Женщина швырнула кричащего младенца Марте на руки и схватила свою шаль. — Я пошла к подруге. — Она обошла девочку и выскользнула на улицу, ни разу не оглянувшись.

* Богоявленские пироги (драйкёнигскухен) подавали только 6 января в день Богоявления. — *Примеч. пер.*

Марта вошла в дом и закрыла дверь, чтобы люди не слышали крика ребенка. Сначала девочка ходила по комнате с малышом на руках и пела церковные гимны. Но маленький Эврард не желал успокаиваться, тогда Марта принялась его качать. Потом проверила подгузник. В конце концов, потеряв терпение, она положила ребенка на ковер:

— Давай, ори, пока не надорвешься.

Малыш неожиданно замолчал и перевернулся на животик. Выгнув спинку, он уперся ручками и принялся молотить ножками. Марта рассмеялась:

— Ты, наверное, просто хотел немного свободы? — Она собрала разбросанные игрушки и разложила перед ним. Он стал еще сильнее бить ножками, радостно агукая. Затем завизжал, сжимая и разжимая кулачки.

— Достань сам! Я не стану тебе помогать. — Ему удалось проползти несколько дюймов и схватить погремушку. Марта захлопала ладоши: — Какой ты молодец, Эврард! — Он перекатился на спинку.

Когда ребенок достаточно устал, Марта взяла его на руки и укачала. Через час пришла фрау Зиммер, явно отдохнувшая. Она остановилась и прислушалась, насторожившись.

— С ним все в порядке? — Она поспешила к кроватке и заглянула в нее. — Он спит! Он никогда не спит днем. Как ты это сделала?

— Я позволила ему поиграть на ковре. Он учился ползать.

На следующий день Марта отправилась на холм, в отель «Эдельвейс», где фрау Гилган дала ей задание снять с постелей белье и поменять наматрасники и одеяла. Марта взбивала одеяла и сворачивала их в рулон. Потом она отнесла белье в прачечную на первый этаж. Фрау Гилган работала вместе с ней, рассказывая интересные истории о бывших постояльцах:

— Естественно, попадают такие, кто всегда всем недоволен, что для них ни делай, и такие, кто ломает ноги, катаясь на лыжах.

Две сестры Розы управлялись с корытами и кипятили большие кастрюли воды на дровяной плите. У Марты заболели руки от перемешивания белья: она опускала простыни и одеяла в воду, крутила их, переворачивала, разглаживала складки, снова перемешивала. Кристен, старшая из девочек, подхватывала простыню и вытаскивала ее из воды, затем складывала и выкручивала, а вода стекала назад в корыто. Потом она бросала простыню в корыто с горячей водой для полоскания.

На оконные рамы ложились снежинки, а по лицу Марты стекали капельки пота. Она вытирала их рукавом.

— Ой! — Фрау Гилган подошла и протянула к ней руки, сильные, квадратные, покрасневшие и в мозолях от многих лет стирки. — Дай-ка взглянуть на твои руки, Марта. — Фрау Гилган перевернула ее ладони вверх и прищелкнула языком: — Волдыри. Я не должна была давать тебе так много работать в первый же день, но ты не жаловалась, а я не обратила на это внимание. Теперь они распухнут, и ты не сможешь шить.

— Но ведь осталась целая стопка нестиранного белья.

Фрау Гилган рассмеялась:

— Ну да, для этого и существуют мои дочери. — Она обняла Марту. — Отправляйся наверх. Розы сейчас вернется из школы. Она захочет попить с тобой чаю, пока ты здесь. А если у тебя найдется немного времени — ей нужна помощь по географии.

Марта ответила, что с радостью поможет.

Розы, увидев ее, закричала:

— Марта! Я и забыла, что ты приступила к работе сегодня. Я так рада, что ты в нашем доме! Мне не хватало тебя в школе. Без тебя все не так. Никто не может ответить на трудные вопросы герра Шольца.

— Твоя мама сказала, что тебе нужна помощь в географии.

— Ой, только не сейчас! Мне столько нужно тебе рассказать. Пойдем, прогуляемся.

Марта догадывалась, что ей придется выслушать подробности обо всех проделках Арика Брехтвальда. Розы была в него влюблена с того самого дня, когда он выловил ее из речки. Бесполезно было напоминать, что именно из-за Арика она упала в воду. Это он уговорил ее перейти Цулг вброд. Розы добралась до середины, но поскользнулась на камне, и ее понесло к перекату, но Арику удалось поймать ее. Он вытащил девочку из речки и отнес на берег на руках. И с тех пор Арик стал для Розы рыцарем в сияющих доспехах.

Снег продолжал идти, белый ковер, покрывший Стеффисбург, становился все толще. Из труб поднимался дым, он причудливо извивался и постепенно растворялся в морозном воздухе. Розы весело болтала, а Марта устало плелась рядом. Белые заносы покрыли альпийские луга, через несколько месяцев они снова зазеленеют, на них появятся пятна красных, желтых и голубых цветов, столь привлекательных для

пчел фрау Фахс, и к тому же питательных. Розы смахнула снег с бревна и села так, чтобы видеть отель «Эдельвейс», который находился внизу. Если бы день был ясным, они увидели бы замок Тун и озеро Тун, похожее на серое стекло.

Но сегодня солнце, закрытое облаками, казалось белым, едва различимым шаром, готовым нырнуть за гору позади Интерлакена.

От дыхания у девочек изо рта клубился пар. Марта слушала болтовню Розы об Арике, и глаза застилала слезы. У подруги нет иных забот, только одна — нравится ли она Арику. Марта крепко сжала губы, чтобы не чувствовать зависть. Возможно, папа прав. Они с Розы недолго будут подругами, разница в их положении воздвигнет глухую стену между ними. Теперь Марта работает на Гилганов. Она больше не подружка, которая забегает, чтобы попить чаю и поболтать, пока мама Розы угощает их анисовым печеньем и горячим шоколадом в чудесных фарфоровых чашках. Теперь все изменится, и осознавать это было невыносимо.

Поскольку папа забрал ее из школы, она сможет быть только служанкой или нанять чужих капризных детей. Она могла бы помогать маме в шитье, но мама так мало зарабатывает, особенно если учесть, сколько часов ей приходится проводить за работой на женщин вроде фрау Келлер, которые требуют идеального результата за гроши. К тому же, маме не доставалось ни франка из этих денег. Папа забирал все деньги и жаловался, что их мало, хотя всегда находил на пиво для себя.

Розы обняла Марту за плечи:

— Не нужно печалиться.

Марта резко встала и пошла прочь:

— Герр Шольц обещал учить меня французскому. И я могла бы продолжить заниматься латынью. Если я буду знать хотя бы еще один язык, то когда-нибудь я смогу найти достойную работу где-нибудь в Интерлакене. Если же папа не изменит свое отношение ко мне, я никогда не смогу стать никем, кроме служанки. — Как только она произнесла эти горькие слова, ей стало стыдно. Как она может говорить такое Розе? — Это не значит, будто я не благодарна твоим родителям. Твоя мама была так добра ко мне сегодня...

— Родители любят тебя как дочь.

— Потому что ты всегда относилась ко мне как к сестре.

— Ничто не изменится, оттого что ты больше не ходишь в школу. Как бы я хотела ее бросить! Я с большим удовольствием оставалась бы дома и помогала маме, вместо того чтобы пытаться вбивать себе в голову какие-то факты.

— Ах, Роза, — Марта закрыла лицо руками, — я бы отдала все, чтобы окончить хотя бы среднюю школу.

— Я могу давать тебе книжки.

— Теперь у меня нет времени. Папа постарался. — Марта смотрела на покрытые облаками горы, и они напомнили ей стены тюрьмы. Отец собирается держать ее взаперти. Она была сильнее и здоровее матери. Она училась быстрее, чем Герман и Элис. Но Герман уедет в университет. Элис выйдет замуж. А Марту оставят дома. В конце концов, кто-то должен работать по дому, когда мама не сможет этого делать!

— Мне пора домой, нужно помочь маме.

Пока они спустились с холма, Роза держала подругу за руку:

— Возможно, когда Герман перейдет в среднюю школу, папа позволит тебе вернуться к учебе...

— Герман снова провалится. У него нет способностей к учебе.

Зато в следующий раз у папы не будет повода обвинять ее.